

Спорт и допинг

Спорт и допинг, допинг и спорт – в последнее время эти два понятия стали неразделимыми. Впрочем, почему только в последнее время смею утверждать, что допинг в спорте был всегда. Более того, со всей ответственностью заявляю, что допинг в спорте будет всегда. Этих двоих уже никому не разделить. Тогда к чему же эта борьба с допингом, эта искусно раздуваемая истерия, это пламя, в котором гибнут единицы и которое не затрагивает подавляющее большинство? Для того, чтобы ответить на этот Вопрос, попытаемся задаться другим ВОПРОСОМ: «Кому это -выгодно?» Всегда, когда пытаешься докопаться до сути проблемы, попробуй прежде подумать: «Кому выгодно ее создавать?» Так мы и поступим, будем искать тех, кому борьба с «ветряными мельницами» приносит наибольшую выгоду.

Краткая история допинга в спорте

История допинга в спорте берет свое начало задолго до создания анаболических стероидов. Не будем касаться мифических атлетов древности, участвовавших в не менее мифических «древнегреческих» Олимпийских играх, а рассмотрим только документальные свидетельства.

Первый документальный случай использования допинга относится к далекому 1865 году, тогда стимуляторы были использованы голландскими пловцами. К концу 19 столетия относятся и факты употребления допинговых средств велосипедистами из различных стран: диапазон этих средств простирался от кофеина до вина, обогащенного кокаином. Первые Олимпийские игры современности, прошедшие в 1896 году, не стали исключением в допинговой эпоху — спортсменами-олимпийцами использовался весьма широкий арсенал «химии», включающий кодеин и весьма эффективный в сублетальных дозах как стимулятор стрихнин. На Олимпиаде 1904 года был чудом возвращен к жизни американский марафонец Томас Хикс, после того, как влил в себя для стимуляции смесь бренди с кокаином и стрихнином. Надо сказать, зелье получилось действительно отменным — бегун победил, но почти что ценой своей жизни. Но все это было «баловством». Настоящая эра допинга в спорте началась именно с созданием в 1935 году синтетического тестостерона. Тому нет документальных свидетельств, но считается, что своим неожиданным успехом на Олимпийских играх 1936 года в Берлине спортсмены нацистской Германии обязаны именно этому препарату.

История повторилась, как две капли воды, на Олимпиаде 1952 года в Хельсинки: здесь уже советские спортсмены, впервые принимавшие участие в Олимпийских играх, добились совершенно неожиданного и ошеломляющего успеха. Надо сказать, что в нашем бывшем Отечестве умело использовали знания и опыт пленных немецких специалистов, и область спорта не была исключением. Опять же, документального подтверждения использования тестостерона советскими атлетами не существует, но шприцы, выметаемые в достаточно больших количествах из комнат, в которых проживала команда СССР, говорят сами за себя. Американцы, естественно, столь звонкой пощечины от тогда уже врага номер один за просто так снести не могли, и начали собственные

исследования в области создания андрогенных препаратов, благо и у них пленных немецких специалистов хватало. Использование тестостерона пошло полным ходом, однако вскоре специалисты в США обратили внимание на то, что тестостерон является идеальным допингом далеко не для всех спортсменов, атлеты тех видов спорта, где во главу угла ставится безукоризненная техника либо выносливость, были от него далеко не в восторге.

Далеко не в восторге от нового препарата, если не сказать больше, оказались и спортсменки, в один, далеко не радостный день, вдруг обнаруживавшие у себя целый букет вторичных половых признаков, характерных для мужчин. На повестку дня встал вопрос о создании новых допинговых препаратов, по силе сравнимых с тестостероном, но лишенных его отрицательных черт. Последовательно были созданы нандролон, норэтандролон, оксандролон, оксиметолон и, конечно же, всеми любимый метандростенолон. Последний практически произвел революцию в спорте, дело доходило до того, что в традиционную овсянку на завтрак атлеты бросали горсть таблеток «метана» — называлось это «завтрак для чемпионов». После того, как производство метандростенолона было налажено в огромных количествах в СССР, этот препарат стал основой подготовки отечественных атлетов. В ГДР — помните, была когда-то и такая страна — пошли своим путем и создали оригинальный препарат под названием оралтуринабол. Вообще, спортивных специалистов их Восточной Германии можно было назвать новаторами в деле применения допинга — по уровню его применения спортсмены ГДР не знали себе равных. Но и это были лишь цветочки.

Настоящая пандемия допинга в спорте началась в году 1968-м. По иронии судьбы именно к этому времени относится и введение допинг-контроля. В 1967 году Антидопинговый комитет возглавил принц Александр де Мерод. Будучи человеком в высшей степени честным, но при этом безудержно наивным, новый глава комитета решил объявить решительную войну любому допингу. По инициативе Александра де Мерода на Олимпийских Играх вводился принудительный допинг-контроль. Был сформирован список запрещенных препаратов, куда вошли и анаболические стероиды.

Все сборные всех стран мира дружно проигнорировали объявленную войну — Игры 1968 года стали самыми «стероидными» за всю историю. И — самыми зрелищными, подарившими миру массу незабываемых достижений. Для «борцов с допингом» дело по началу осложнялось еще и тем, что не было аппаратуры, способной точно определять наличие метаболитов того или иного вещества в моче, а без точного определения далеко не уедешь — результаты допинг-теста могут быть легко опротестованы. Да и денег в достаточном количестве у них тогда еще не было. Как ни странно, но деньги вскоре нашлись — основным «спонсором» антидопинговых агентств стали... США. Вы спросите — почему? Очень просто — у США тогда была методика детектирования метандростенолона, составлявшего, как вы уже помните, основу подготовки различных сборных СССР. Сборные же команды США, в особенности по плаванию и легкой атлетике, готовились на станозололе — анаболическом стероиде, обнаружить который тогда считалось невозможным.

Тем временем, соцлагерь тоже не стоял на месте. К 1985 году относится создание надежной методики, позволявшей определять наличие в моче

спортсменов метаболитов ста-нозолола. Впервые эта методика была опробована на Олимпийских играх 1988 года в Сеуле — она была «подарена» организаторам советской стороной. Но вышло так, что секрет советских специалистов помог не им, а их вечным соперникам в борьбе за олимпийские «драгметаллы» — американцам. По сути, единственным, кто крупно пострадал от новой методики, был канадец Бен Джонсон. Именно его сход с дистанции открыл путь к едва ли не самому престижному олимпийскому «золоту» — в беге на 100 метров у мужчин — американской «легенде» Карлу Льюису. Льюис и до, и после того скандала на каждом углу заявлял о своей безукоризненной «чистоте» в плане допинга, не забывая при этом поливать своего основного оппонента потоками грязи. Он ничем не рисковал — в США о подготовке ведущих легкоатлетов «на станозололе» к тому времени начали потихоньку забывать.

Уже после такого патетического заявления врачи в анти-допинговых лабораториях обратили внимание на один очень интересный факт: в моче практически всех победителей и призеров в легкой атлетике и плавании были обнаружены метаболиты одного и того же вещества. Им оказался генабол — анаболический стероид, синтезированный еще в 1984 году, но в промышленное производство по ряду причин так и не запущенный, а потому и ускользнувший от бдительного ока «борцов за чистоту спорта».

В мире ежегодно синтезируются тысячи и тысячи новых препаратов, и анаболические стероиды здесь не исключение. Большая часть в промышленное производство так и не попадает — как правило, из-за дороговизны либо потенциально негативного воздействия на организм человека. Но что такое деньги, если речь идет о престиже страны! И в наиболее развитых странах начали возникать лаборатории, занимающиеся синтезом в небольших количествах анаболических стероидов либо отвергнутых фармацевтической промышленностью, либо вновь создаваемых. Цель таких лабораторий — обеспечить потребности ведущих атлетов в наиболее престижных олимпийских видах спорта — легкой атлетике и плавании. Насколько мне известно, эти лаборатории в Германии и Великобритании даже финансируются государством. В начале-середине 70-х годов 20 века в ГДР проводились первые опыты с гормоном роста, тогда получаемым из гипофиза трупов. Позднее, когда соматотропин научились синтезировать, он прочно вошел в практику подготовки спортсменов. Затем начались опыты с инсулином, позднее — с инсулиноподобным фактором роста (ИФР-1). Все эти виды допинга и до сих пор обнаружить практически невозможно. На повестке дня создание генетического допинга — весьма дорогостоящего, но обнаружить который будет невозможно даже теоретически.

Не стоит на месте и методика сокрытия применения допинга. Обнаруживаются среди существующих препаратов и вновь создаются «экраны», позволяющие скрыть от бдительного ока хроматомассспектрометров метаболиты известных анаболических стероидов. И на все это идут деньги, деньги и деньги. Миллионы и миллионы долларов. Естественно, их расходует только тот, кто может себе это позволить.

Враг №1 — анаболические стероиды

Маленькое отступление. Интересно, что в начале 60-х годов прошлого века метандростенолон врачи прописывали просто для поднятия тонуса — даже женщинам! Журналы по бодибилдингу того времени пестрели рекомендациями по

применению тех или иных фармакологических препаратов — ну точь-в-точь так же, как сейчас происходит с различными добавками вроде креатина или глутамина. Применение допинга в спорте не считалось чем-то аморальным, неэтичным оно стало лишь после запрета ряда препаратов. Интересный факт — атлет считается «натуралом», если он принимает не запрещенный фармакологический препарат. Как только этот препарат попадает под запрет, спортсмен моментально из разряда «натуралов» переводится в разряд «химиков». Забавный подход, вы не находите?! Но вернемся к нашим «баранам». К началу-середине 80-х борьба с допингом в спорте превратилась из крестового похода энтузиастов-одиночек в весьма выгодный бизнес, в котором были заняты многие тысячи людей. Эти специалисты получали и получают до сих пор весьма немалые зарплаты — кто же добровольно освободит место «под солнцем»?

Ну а созданное в начале нынешнего века Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) пошло еще дальше, беззащитно облагая данью различные федерации и Национальные Олимпийские комитеты (кстати, самым крупным «спонсором» ВАДА является НОК все тех же США) и угрожая им отлучением от Олимпийских игр в случае непослушания. Учитывая тот факт, что у ВАДА нет ни своих лабораторий, ни своих специалистов, совершенно непонятно, куда идут средства от этого узаконенного рэкета. Точнее, понятно куда... Опять же возвратимся в середину восьмидесятых. Как-то само собой получилось так, что из всего разнообразия допинговых препаратов очень быстро были выделены андрогены и анаболические стероиды, и основные усилия «радетелей за чистоту спорта» были направлены на борьбу именно с ними. В 1984 году на прилавках книжных магазинов США появилось творение некоего Боба Голдмена «Смерть в раздевалке». Передергивания, извращения фактов, домыслы — в этой книге было все, кроме правды. Да правда-то и не была нужна — автор выполнял определенный социальный заказ.

Почему так вышло? Почему в общем-то безобидные препараты были объявлены таким «вселенским злом»? Немалую роль здесь сыграло желание производителей спортивного питания выбить с рынка неодолимого доселе конкурента — ведь и ежу понятно, что никакие спортивные пищевые добавки не смогут никогда служить полноценной заменой весьма действенным фармакологическим препаратам. Зерна этого желания легли в благодатный грунт — нашлись в США конгрессмены и сенаторы, желающие сделать на борьбе с таким ужасным «монстром» капитал. Если и не финансовый (что тоже не исключалось), то уж, во всяком случае, политический. Результат известен — сначала в США, а затем и в ряде других стран были приняты законы, фактически ставящие анаболические стероиды в один ряд с... наркотическими веществами! Таким образом, из легального оборота эти зачастую весьма полезные лекарственные препараты были попросту изъяты.

Что такое «Фейр плей»

Борцами с допингом приводится, как правило, два аргумента в пользу правоты своего дела: первый — допинг оказывает негативное влияние на здоровье спортсменов, и второй — применение допинга нарушает правила ведения честной борьбы, так называемое правило «фейр плей». Давайте слегка «пройдемся» по этим двум пунктам. Пункт первый — здоровье спортсменов. Интересно, что под запрет попадают не просто безвредные методики, а зачастую и полезные для здоровья,

взять хотя бы тот же «кровавый допинг». Что касается анаболических стероидов, то они до некоторой степени ослабляют негативное влияние огромных тренировочных нагрузок на организм спортсмена. А то, что эти нагрузки без применения восстанавливающих фармакологических средств могут приводить, а иногда и приводят, к смерти спортсменов, особенно молодых, факт. Да и, скажите на милость, может ли стероид-«мо-дификант», который не прошел клинические испытания, быть более безвредным, чем хорошо на практике зарекомендовавший себя препарат? А ведь запрещая общедоступные анаболические стероиды «борцы с допингом» толкают спортсменов на испытания на себе неизвестных препаратов. Пункт второй — честная борьба. Скажите, о какой честной борьбе может идти речь, когда одни спортсмены по финансовым соображениям просто не имеют возможности использовать те препараты, которые безнаказанно используют другие?! Неужели кто-то всерьез думает, что никем никогда не пойманные чемпионы готовятся без допинга? Да нет же — им просто немереные средства, выделяемые государством либо спонсорами, позволяют его скрывать. В итоге спортсмены из высокоразвитых стран ставятся в гораздо более выгодное положение по сравнению с атлетами тех государств, которые не могут себе позволить тратить на создание недетектируемых допинговых средств дополнительные деньги. В число последних попадают и страны постсоветского пространства, и государства Восточной Европы, не говоря уже о странах Африки. И все это называется «честной игрой»? Позвольте, что же тогда «игра нечестная»?!

Так кому это выгодно?

В первую очередь — США, именно эта страна фактически держит на «финансовом крючке» антидопинговые комитеты, зачастую попросту диктуя им, кого ловить на допинге, а на кого закрывать глаза. Да и другим промышленно развитым странам тоже, ведь они могут себе позволить тратить на Олимпийский спорт (в профессиональном спорте борьба с допингом если и присутствует, то только для того, чтобы на время вывести из игры некоторых неугодных спортсменов) многие миллионы долларов, создавая все новые и новые не определяемые с помощью допинг-тестов препараты и методы ухода от допинг-контроля. А это ставит их в заведомо более выгодное положение по сравнению с конкурентами.

Выгодно это и тем, кто сделал допинг-контроль своим бизнесом. Им наплевать, по большому счету, на интересы спорта — своя рубашка ближе к телу, а деньги, как известно, не пахнут. Обидно только, что при этом ломаются судьбы ни в чем не повинных людей — спортсменов, врачей и тренеров. Одно ясно: ни спортсменам и их тренерам, особенно из стран, не блещущих, скажем так, экономическими показателями развития, ни нам с вами — рядовым зрителям, жаждущим посмотреть настоящую борьбу, а не жалкую ее имитацию либо безоговорочное доминирование одного атлета над остальными — это не выгодно.